

Текст · 14 апреля 2021, 20:48

Алла Константинова,

С 00:00 до 23:59. Басманный суд опробовал на журналистах DOXA новый вид изоляции подозреваемых

Ранним утром 14 апреля силовики провели обыски у сотрудников студенческого журнала *DOXA* по уголовному делу о вовлечении несовершеннолетних в совершение противоправных действий (статья 151.2 УК). Поводом стало видеообращение журналистов с требованием к властям перестать запугивать студентов перед протестами. Следственный комитет предъявил обвинения редакторам *DOXA* Армену Арамяну, Владимиру Метелкину, Наталье Тышкевич и Алле Гутниковой.

Всем четверым СК потребовал избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий: пользоваться средствами связи, общаться с кем-либо без разрешения следователя, но главное — выходить из дома «в период времени с 00 часов до 23 часов 59 минут».

Басманный районный суд Москвы согласился с такой мерой пресечения для всех четверых журналистов.

Запрет определенных действий — относительно новая мера пресечения. Она появилась в российском законодательстве в 2018 году. «Запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению

в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения», — говорится в [редакции](#) закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста».

Среди возможных запретов — нахождение в определенных местах или общение с некоторыми лицами, пользование интернетом и средствами связи. Суд также может запретить «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях».

По своим условиям эта мера фактически не отличается от домашнего ареста, уверена адвокат «Общественного вердикта»^[1] Ирина Бирюкова. Она считает, что следствие намеренно не запросило домашний арест и напоминает, что при таком ограничении суд может разрешить подозреваемому прогулки, визиты к врачу, походы в церковь и так далее.

Бирюкова подчеркивает, что «впервые за 16 лет работы» сталкивается с подобным требованием обвинения:

«Они запрашивают ограничения, по сути, еще круче, чем домашний арест, — говорит адвокат. — На мой взгляд, это лишь видимость послабления. "Запрет

определенных действий" — это звучит гораздо мягче, чем "домашний арест"».

Не сталкивался с подобными требованиями следователей и адвокат Федор Сирош, сотрудничающий с «Апологией протеста». Он говорит, что запрос обвинения может быть связан с пробелами в законодательстве, а именно в [статье 72 УК «Исчисление сроков наказаний и зачет наказания»](#).

«Эта статья определяет правила зачета срока примененной меры пресечения в срок наказания, а в ней регламентированы только вопросы зачета времени содержания лица под стражей и нахождения под домашним арестом в срок назначенного судом наказания, — говорит он. — То есть нахождение под домашним арестом учитывается в обвинительном приговоре, в то время как запрет определенных действий прямо не поименован».

Время содержания под стражей в СИЗО, согласно статье 72 УК, засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за полтора дня отбывания в колонии общего режима. Срок содержания под домашним арестом засчитывается из расчета два дня ареста за один день пребывания в колонии общего режима. В статье нет упоминания о перерасчете срока лишения свободы в случае ограничений на выход из дома при запрете определенных действий.

Несмотря на пробелы в законе, дни, проведенные под запретом определенных действий, все же засчитываются судом по аналогии с домашним арестом — два дня за один, говорит адвокат «Апологии протеста» Александр Передрук.

«Есть практика судебная, [когда] время применения к обвиняемому в виде запрета определенных действий засчитывается в срок лишения свободы, исходя из расчетов два дня за один — как домашний арест, — говорит Передрук. — Об этом свидетельствует в том числе практика судебная — и Второй кассационный суд, под юрисдикцией которого может оказаться решение Басманного суда, и Верховный суд — они уже неоднократно все об этом высказывались. То есть, это, мне кажется, вопрос решенный».

В том, что в статье УК об исчисление сроков наказаний вообще нет упоминания про запрет определенных действий, Передрук не видит ничего удивительного:

«Когда вносили изменения, забыли об этом указать, — говорит он. — В целом посмотрите на юридическую технику наших законотворцев и на тот уровень законодательства, которое они пишут. Даже если не вдаваться в суть этого бешеного принтера, а просто посмотреть на то, как они это пишут — вопросов не будет».

Назначение столь абсурдной меры пресечения попадает в сферу действия Европейской конвенции прав человека и может быть в дальнейшем обжаловано, говорит Кирилл Коротеев,

юрист международной правозащитной организации «Агора».

«Да, с большой вероятностью мы находимся в начале очередного дела в Европейском суде по нарушению прав журналистов, — говорит он. — Это [запрошенная мера пресечения] в общем, домашний арест. Возможно, они попросили не выходить из дома 24 часа, чтобы судья снизил [срок] , и они [следователи] не несли ответственность за определение того, сколько нельзя будет выходить из дома. Ну то есть это такая бюрократическая логика, если хотите — смещение с себя ответственности. Но мудрый русский народ говорит: "Хоть горшком назови, только в печку не ставь". Поэтому когда поставят в печку — какая разница, как вас называли?».

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранцев» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Общественный вердикт» внесен Минюстом в реестр «иностранцев».